

*По следам
похождений
и заголов
Сережки Есенина
мы отправили
своего Серегу -
бесшабашного
и нежного
душой
Благодарова*

ДЕНЬ, прошедший без вина и водки, - пропавший день. Кому угодно держаться иного мнения - бегом в монастырь. Ну, шучу, шучу...

Хотя задание сегодня нешуточное - пройтись по местам, где Сережа Есенин пил, гулял, читал стихи и, осерчав на невнимательных поклонников, пробивал им головы пивными кружками (этот златокурый Лель щеславен был - упаси Господи. - С. Б.).

... Я иду по Тверской, табачной крошкой летят навстречу осень. В кафе на Тверской, 18, Сергей Александрович любил посидеть зимой, в мороз, как белое вино. Но сгинула невеста куда и эта кафешка, и «тарелки изи-однодневки».

Да, он читал свои стихи в кабаках, пьяны дворцовых сервизов с двуглавыми золотыми орлами, и коричневая бурдохлыстина на сахарине, и нежное мясо жеребят...». Было это или не было? Сегодня тут только знаменитая на всю Москву «Комиссионка» и «Художественный салон».

Правда, через дорогу давит мрамором, слепит зеркалом громада «Палас-Оте...» с рестораном «Александровский» внизу. Встречают здесь гостей статные швейцары в собольих шубах - полная умора.

Старожилы говорят, что на этом месте и при Есенине был кабачок, куда запросто захаживал Сергей Александрович. Нынче в кабаке изысканная морская кухня - сплошь лобстеры, омары, королевские креветки, да все по несколько сотен долларов, а на рубли это - миллины...

Вряд ли Сергей Александрович смог бы сегодня за все это расплатиться, разве что читал бы свои вирши за деньги в многочисленныхочных клубах, разбросанных по Тверской, как выжимают нынче здесь деньги певички взгромоздясь на стол, но бесплатно (ес-

Москва КАБАЦКАЯ

Золотая середина (ирал. к Коне. правде). - 1995. - 6 окт. - 13.

ли поэт имеет право взойти на эшафот, то он вправе и выступить с ресторанным столика:

*Шум и гам в этом
логосе жутком,
Но всю ночь напролет,
до зари,
Я читаю стихи
проституткам
И с бандитами жарю
спирт.*

Кстати, о них, о проститутках, чья профессия - раздвигать. Их и сегодня на этом месте, как во времена Есенина, тьма. Сергей Александрович, грешник, любил после пирушки в кабачке провести ночь с ласковой путаной (жизнь слишком коротка, и надо успеть совершить все ошибки).

Недаром пуще всего на свете, по свидетельству очевидцев, Есенин боялся сифилиса. Выскочит, было, на носу у него прыщик, и уж ходит он от зеркала к зеркалу мрачнее тучи. На дню спросит раз пятьдесят:

- Сифилис, может, а?.. а?..

Перед каждым встречным и попечным задирал губу:

- Вот кровь идет... а?.. Не первая ли стадия?.. А?..

Даже как-то на вечеринке задирал губу перед Мейерхольдом:

- Вот десна... тово...

Мейерхольд произнес много-значительно:

- Да-а...

Есенин сник, расстроился, затем подошел к своему близкому другу:

- У меня сифилис... Всеволод сказал... А мы с тобой из одного стакана пили... Значит...

У друга ноги подкосились.

Есенин вел себя, как мальчик. А разве и не запомнился он нам навеки мальчиком, молодым и красивым? Это позже старая прелестница Дункан показала ему совсем иную жизнь.

...А я шагаю, топаю по ночной Москве дальше. Как и Есенин, я сквозно богат - у меня есть небо, а на небе луна. Я уже на несколько лет пережил поэта - вот вина всякого совестливого человека. Подхожу к углу ул. Герцена, где когда-то располагалось кафе имажинистов.

Теперь здесь какой-то магазин «Одежда». А сколько в свое

Два Сергея: слева поэт,
справа - наш корреспондент.

время Есенинским стихов было прочитено на этом месте, они из него просто сыпались, сколько перепеловано девочек, славных московских девочек. Почему-то по-прежнему тут пахнет мокрым кустом и забором.

ДА, ИЗРЯДНО сгинуло, пропало, кануло безвозвратно в старой Москве мест, связанных с Есениним. Исчез даже адрес скандально знаменитого «Стойла Пегаса». До хрипоты спорил здесь Сергей Александрович о судьбах русской поэзии. Дело, бывало, заканчивалось и кулаками, когда кто-нибудь обижал рязанского менестреля.

Но мог задраться и без причины - был куражлив, буен, необуздан и несдержан на руку и языке. В уже упоминаемом кафе поэтов «Домино», что на Твер-

тается любезный сердцу каждого газетчика Дом журналиста. В есенинскую пору он назывался Дом печати, в ресторане которого любил почитать стихи и выпить-покушать Сергей Александрович.

В этом старом московском особняке на Суворовском бульваре и поныне любят нашу пишущую братию. Из того кармана многое не выжмешь, поэтому цены в Домже, как и в есенинские времена, более чем божеские. По-прежнему подают здесь любимые Есениним свиные котлеты «а-ля натюрель», мясо по-суворовски, зливную осетринку с хреном...

К слову, и свое недавнее 70-летие «Комсомольская правда» отгуляла, отпела, отплясала здесь же - в Доме журналиста. О, каких чудных варенных раков здесь подавали к свежему пиву; что за прелест эти крапчатые перепелиные яйца, что любил и покойный Есенин, царствие ему небесное, какие стихи и песни тут пелись...

Без сомнения, восстань сегодня Сергей Александрович со своей веселой ватагою, непременно бы посетил любимый им Дом печати. ...Заканчивается мой ночной обход загульных есенинских мест в старой Москве. Небес наряд - неоновый, в центре первопрестольной чистых звезд почти не видно. Кроме б., никого на улицах. Какой-то последний синий свитер на улице спешит к последней электричке метро. Грустно отчего-то...

О ЧУТИСЬ Сергей Александрович действительно в наши дни в Москве, мест, где гульнуть, у него было бы гораздо больше, чем в его время. Вскорости открывается «Яр» (бывший ресторан «Советский»), где можно гулять и с цыганами. А уж сколько любезных его сердцу небольших ресторанчиков, клубов, опрятных пивушек и рюмочных выросло в сегодняшней Москве - и не счесть. Думаю, своим он бы был и в многочисленных частных кабаках, пусть даже оккупированных бандитами (с ними поэт находил общий язык).

И последнее о Сергее Александровиче Есенине. Он не ушел. Он только умер.

Сергей БЛАГОДАРОВ.